

Завтра. [Электронный ресурс]. URL: <http://zavtra.ru>
Зеркало недели. [Электронный ресурс]. URL: <https://zn.ua>
Известия. [Электронный ресурс]. URL: <https://iz.ru/news>
Иносми. [Электронный ресурс]. URL: <https://inosmi.ru>
Комсомольская правда. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kp.ru>
Корреспондент. [Электронный ресурс]. URL: <https://korrespondent.net>
Московский комсомолец. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mk.ru/news/>
Наш мир. [Электронный ресурс]. URL: <https://newsland.com/>
Независимая газета. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ng.ru/news/>
Полит.ру. [Электронный ресурс]. URL: <http://polit.ru>
Политонлайн. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.politonline.ru>
Росбалт. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rosbalt.ru>
Сегодня. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.segodnya.ua>
Украина-центр. [Электронный ресурс]. URL: <http://uaport.net/cat/site/uc-kr-ua>
УРА-Информ. [Электронный ресурс]. URL: <http://ura-inform.com>
E-news. [Электронный ресурс]. URL: <http://e-news.su>
Meta.ua. [Электронный ресурс]. URL: <https://meta.ua>
Newzz. [Электронный ресурс]. URL: <http://newzz.in.ua>

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ МЕТАФОРЫ
И МЕТОНИМИИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ ТРУДА П. БЬЮКЕНЕНА «CHURCHILL,
HITLER, AND THE UNNECESSARY WAR»)**

Е.Н. Ковязина

Ключевые слова: концептуальная метафора, метонимия, политический дискурс.

Keywords: conceptual metaphor, metonymy, political discourse.

В последние годы исследования, проведенные в русле когнитивного направления в лингвистике, помогли по-новому взглянуть на природу таких феноменов, как метонимия и метафора (Н.Д. Арутюнова, Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, А.П. Чудинов, Л.М. Алексеева, С.Л. Мишланова, Т.И. Уткина, Т.М. Пермякова, Дж. Лакофф, Г. Стеен, А. Барселона, З. Ковечеш, Г. Числару, Г. Радден, Дж. Барнден и др.). Представители когнитивного направления рассматривают метонимию и метафору как механизмы, приобретающие главную роль в «исследовании сложного процесса мышления» [Томашевская, 2011, с. 1]. Непосредственное участие в процессах познания – вот то, что объединяет метонимию и метафору. Однако наибольший исследовательский интерес вызывает вопрос о

сходстве и различиях между ними. Так, по мнению З. Ковечеша, концептуальная метафора – это единство двух далеких друг от друга концептуальных областей, основанное на сходстве по какому-либо признаку. Для метонимии же больше характерны отношения смежности, возникающие между элементами одной и той же концептуальной области, или идеализированной когнитивной модели (*idealized cognitive model*) [Kövecses, 2002, p. 160]. Существует мнение отдельных ученых об условности подобного разграничения [Barnden, 2009]. Поводом для разграничения метонимии и метафоры служит также тот факт, что характерные для метонимии ассоциации по смежности отражают объективно существующее положение вещей в реальном мире, в то время как метафора создает не имеющие аналогов во внешней реальности ментальные сущности, словно навязывая собственное видение окружающей действительности [Barnden, 2009].

Как нам кажется, любые отличия между метафорой и метонимией позволяют им успешно взаимодействовать в процессе моделирования и конструирования дискурсов различных типов. При этом данное взаимодействие исследуется для того, чтобы обогатить и расширить наши теоретические представления о когнитивной природе данных феноменов, и впоследствии может быть использовано в практике дискурсивного анализа, причем наиболее эффективным в этом плане автору данной статьи представляется социально-дискурсивный, или социально-конструкционистский подход. Последний постулирует, что все социальные процессы имеют свои лингво-дискурсивные характеристики. Высказывания – это конструктивные элементы, из которых «складываются социальные отношения» [Филипс, 2008, с. 18]. В дискурсе конструируется идеология, которая структурирует реальные социальные отношения. На языковом уровне основную идеологическую нагрузку несет концептуальная метафора с ее способностью к поиску форм словесного выражения для ментальных сущностей идеологического порядка.

Метафора отвечает за идеологическую сторону политического дискурса, вербализуя концепты политической этики, а мотивируемая ей метонимия выводит идеологию за пределы дискурсивного в область социальной практики. В данном исследовании мы попытаемся раскрыть механизмы взаимодействия метафоры и метонимии и показать, что метафора служит мотиватором, на семантической основе которого возникает метонимия, основанная на названии местности (*place-name based metonymy*), представляющая собой метонимическую модель **Место за Событие**.

Говоря о мотивации, следует отметить, что в научной литературе нет однозначного мнения по данному вопросу. Так, А. Барселона убежден, что все метафоры мотивируются метонимией. Свою теорию он иллюстрирует примерами, в которых область – источник метафорического концепта мотивируется метонимией (Sadness is Down) [Barcelona, 2003, p. 31]. С. Мартин де Лейн, вслед за Барселоной, считает, что метафора мотивируется метонимией и доказывает это на примере метафоры Communication is Sending Ideas [Martin de Leyn, 2004, p. 80]. Мы, вслед за Г. Числару, убеждены в том, что метонимия принимает непосредственное участие в конструировании социальных объектов и связанных с ними дискурсов [Cislaru, 2007, p. 93]. Согласно социально-дискурсивному подходу, которого мы также придерживаемся при проведении собственного исследования, социальная практика глубоко укоренена в идеологии, формирующейся внутри любого дискурса. Метафора становится эффективным механизмом вербализации концептов, формирующих идеологическую составляющую в дискурсе.

Актуальность данного исследования обусловлена тем, что интеракция метонимии и метафоры изучается именно в политическом дискурсе, а также тем, что подавляющее количество работ посвящены каждому из этих лингвистических феноменов в отдельности и редко рассматривают их во взаимодействии. Среди работ, связанных с изучением метафоры в политическом дискурсе, следует выделить труды А.П. Чудинова, А.Н. Баранова и Ю.Н. Караулова. Словарь политической метафоры тезаурусного типа, созданный А.Н. Барановым и Ю.Н. Карауловым, представляет ценность для данной статьи, так как основывается на дескрипторной теории метафоры [Баранов, 1991, 1994]. В данном словаре контексты употребления метафор распределяются по денотативному и сигнификативному дескриптору. Уральская школа политической метафорологии во главе с А.П. Чудиновым основывается на теории метафорического моделирования [Чудинов, 2001, 2012]. Исследователи уральской школы внесли весомый вклад в изучение политической метафоры – среди посвященных ей работ стоит отметить труды Э.В. Будаева, Т.А. Шабановой и О.В. Шаовой, анализирующих метафорические репрезентации, представленные в иноязычных источниках [Будаев, 2007; Шабанова, 2013; Шаова, 2005].

Что касается зарубежных авторов, то интерес вызывают работы Г. Числару, исследования которой посвящены метонимии в политическом дискурсе. Цель данной работы – выявить формы и особенности взаимодействия концептуальных моделей метафоры и

метонимии в политическом дискурсе. Методы исследования – социально-дискурсивный метод анализа, концептуальный, семантический и дефиниционный виды анализа, метафорическое и метонимическое моделирование. Материалом исследования служит произведение П. Бьюкенена – известного американского политолога, детально анализирующего события, которые послужили причиной Первой и Второй мировых войн.

Итак, в исследуемом нами политическом дискурсе абстрактный идеологический аспект, за который отвечает концептуальная метафора, связан с проблемой политической этики. Политическая этика – это «... философское осмысление этического аспекта принципов и норм политической деятельности, прояснение этической структуры конкретных политических проблем и ситуаций ...» [Словарь философских терминов, 2007, с. 423-425]. Проблема политической этики в данном типе дискурса выступает на первый план по причине образного отождествления государства (область-цель) с личностью (область-источник). О том, что для политического дискурса в принципе характерно отождествление нации, государства с личностью, пишет еще Дж. Лакофф: «Теория игр и моделирование рационального выбора оказали огромное влияние на нашу жизнь, причем самым незаметным для нас образом. К примеру, они используются со времен холодной войны как инструменты для того, чтобы придать внешней политике и войне «рациональность». Чтобы модель рационального деятеля могла быть спроецирована на внешнюю политику, нации должны метафорически концептуализироваться как личности, имеющие свой интерес, в данном случае, национальный интерес. Речь идет о метафоре Нация как Личность» [Lakoff, 1999, p. 533] (перевод мой. – Е.К.). Проведем концептуальные соответствия между элементами области-цели (государство) и области-источника (личность):

Государство как Личность;

Личность ⇒ Государство;

Интересы государства ⇒ Интересы личности;

Государственная идеология ⇒ Нравственная позиция личности.

Так, у П. Бьюкенена находим следующий пример: «*The Kaiser put him off. Neither he nor his advisers believed Britain could reconcile with her old nemesis France, or Russia, and must eventually come to Berlin hat-in-hand*» [Buchanan, 2008, p. 5-6]. Здесь мы имеем дело с образным отождествлением государства – Франции с совершающей акт возмездия личностью, так как эта страна и Великобритания в течение

длительного времени находились в состоянии антагонизма и вражды – «hostile nations», по выражению Дж. Лакоффа.

Государство, уподобляемое человеческой личности, должно, как и подобает личности, обладать и этической позицией, являться носителем морали. Этическая позиция Великобритании как одного из главных игроков на политической сцене и субъекта политического дискурса у П. Бьюкенена артикулируется посредством метафор. Так, обнаруживаем, что эта страна метафорически уподобляется таким понятиям, как «patron», «lion», «grandlady», в структуре значения которых обнаруживается семантический признак «доминирование». Например: «... *a statesman who personified the bulldog defiance of his people and who was privileged by history to give the British lion its roar*» [Buchanan, 2008, p. 19]. Лев – «крупное хищное животное» [Ожегов, 1989, с. 257]. В животном царстве крупные размеры, как известно, обеспечивают их обладателю доминирующее положение среди прочих. Великобритания, подобно льву, занимает гегемонное положение на мировой политической арене. Усиливает представление о гегемонии Великобритании отождествление ее с патроном (patron), покровителем в метафоре **Страна как Патрон**:

Страна как Патрон;

Великобритания⇒Патрон мира;

Доминирующее положение Великобритании на политическом небосклоне⇒Доминирующее положение патрона над его подшефными;

Помощь, оказываемая Великобританией остальным странам⇒Поддержка, оказываемая патроном своим подшефным;

Признание Великобританией права наций на свободу и самоопределение⇒ Забота патрона о благополучии подшефных.

Данную метафору находим в следующем контексте: «*Faced by his Uncle Bertie [Edward VII], or high-handed ministers such as Lord Salisbury or Sir Edward Grey, he (Кайзер Вильгельм – Е.К.) felt the British put him down; they treated him as a grandson or nephew and not as the German emperor. Germany was never admitted to full membership of that board of great powers. He and his country were **patronised**, and he took it very personally*» [Buchanan, 2008, p. 10]. Покровитель, по С.И. Ожегову, – «лицо, которое оказывает кому-либо покровительство, протекцию. *Сильный п.*» [Ожегов, 1989, с. 447]. Семантический признак, перешедший из словарного значения в новое метафорическое, – «сила». Линия силы и доминирования продолжается и в особом типе политической этики Великобритании, которая становится законодателем и блюстителем единых для всех моральных принципов

на политической сцене. Этот тип этики можно обозначить как патрональный. Таким образом, обладая господством на море, а также приняв на себя роль блюстителя закона, Англия становится патроном мира и гарантом стабильности на мировой политической арене. Но так продолжается, пока на авансцену не выходит другой субъект дискурса – Германия. Миссия этого субъекта дискурса – преодолеть препятствие на пути к мировому господству в лице Британии путем сверхчеловеческих усилий по созданию собственного флота. Действия этой страны оцениваются как нарушение некоего закона, согласно которому лидер в мире может быть только один – Британия. И поэтому Германия отождествляется с нуворишем: «...*Germany shouldn't behave like a **nouveau riche** who has just come into money and then offended everyone by pointing to the coins in his pocket*» [Buchanan, 2008, p. 8]. Нувориш – «... человек, разбогатевший на спекуляциях и пробившийся в высшие слои общества; богач-выскочка» [Советский энциклопедический словарь, 1987, с. 904]. Семантический признак, перенесенный из основного значения по словарю в новое образное, – «стремление возвыситься»:

Страна как Нувориш;

Германия⇒Нувориш;

Активные действия Германии по созданию собственного флота⇒Активность и предприимчивость дельца;

Превращение Германии в крупного игрока на политической сцене⇒Повышение социального статуса нувориша.

Строительство собственного флота царица морей Великобритания простить Германии не может – этим объясняется намерение ее правительства вступить в Первую мировую войну и отстоять гегемонное положение. Почувствовав угрозу, которую для верховенства Британии представляла усилившая свой политический статус при кайзере Вильгельме Германия, Британия следует не универсалистской политической этике – предписанным для всех держав требованиям мира и стабильности, но действует в духе ницшеанского волюнтаризма, печется не обо всех, но отстаивает сугубо личные интересы. Ее этическая позиция становится сходной с политической этикой милитаристской Германии и может быть выражена при помощи метафоры **Воля как Отец поступков личности**:

Воля как Отец поступков личности;

Импульсы воли⇒Распоряжения отца;

Сознание, подчиненное иррациональным импульсам воли⇒Ребенок, слушающийся отца;

Подчинение индивидуальной воле в ущерб универсальному моральному закону ⇒ Подчинение моральному авторитету отца.

Данная метафора характеризует идейную подоплеку политики Германии в период, предшествовавший Первой мировой войне – политике, нацеленной на то, чтобы волевым усилием поколебать существующий баланс сил, изменить привычную схему и придать миру иную конструкцию – конструкцию, где нет места ведущей державе мира – Великобритании. Не удивительно, что британские государственные деятели называют действия Германии по созданию флота самоубийством – «*Germany's naval policy was suicidal,*» – writes *Holborn* [Buchanan, 2008, p. 17]. Самоубийство, по Ожегову, – это «намеренное лишение себя жизни» [Ожегов, 1989, с. 568]. Намерение – «... желание, замысел», то есть нечто, совершаемое без принуждения и по доброй воле [Ожегов, 1989, с. 309]. Таким образом, именно иррациональные импульсы воли подталкивают германское руководство к принятию опасных решений в сфере внешней политики. Чтобы отстоять свое право быть первыми, которое британские правящие круги считают для себя необходимостью («necessity»), а для немцев – роскошью («luxury»), Великобритании требуется не меньше политической воли, чем Германии. Следовательно, ее политическая этика из патрональной становится волонтаристской, а это значит, что страна находится в полной готовности применить силу в ответ на брошенный вызов.

Таким образом, мы имеем два вербализованных с помощью концептуальной метафоры типа этических доктрин, исповедуемых правительствами стран: тип 1 (покровитель, патрон) и тип 2 (волонтарист). Стремление отстоять личные интересы – сохранить колонии обусловило отказ Британии от универсалистской этической концепции (тип 1). Победой волонтаристской этики над покровительственной стало заключение Великобританией и странами-союзниками Версальского договора – «Versailles». Находим данную метонимию модели **Место за Событие** в следующем контексте: «*Versailles stripped from Germany one-tenth of her people and one-eighth of her territory*» [Buchanan, 2008, p. 74]. Метонимия «Versailles» модели **Место за Событие** мотивируется метафорой **Воля как Отец поступков личности**. Попытаемся отследить методом дефиниционного анализа мотивированность данной метонимии метафорой **Воля как Отец поступков личности**. Обратимся к понятию «Версальский договор», данному в словаре: «... Германия лишалась части своих владений в Европе, всех колоний, ограничивала численность армии, лишалась воздушного флота, выдавала державам

Антанты большую часть военного флота, ...обязывалась возместить убытки союзников путем денежных взносов и материальных поставок» [Популярный политический словарь, 1923, URL]. Все глаголы, характеризующие действия союзников по отношению к побежденной Германии (лишиться, ограничить, выдать, возмещать), несут в своей семантике признак «уменьшение», «ущемление», «ограничение» – все это является следствием несправедливости и безумия Версальского договора – «the injustices of Versailles», «the insanity of Versailles». Метафора **Воля как Отец поступков личности** мотивирует метонимию «Versailles», так как в структуре метафорического значения также есть семантический признак «ущемление общих интересов во имя частных», – так страны Антанты во главе с Британией, отстаивая собственные колониальные интересы, нарушают универсальные нормы международного права, ставя побежденную страну на грань разорения и нищеты. Таким образом, метонимия «Versailles» является следствием преобладания политической этики индивидуализма (тип 2) и примата личных узкокорыстных интересов, характеризующего действия Великобритании по отношению к политическому конкуренту. О том, что данная политическая позиция потерпела поражение в ходе истории, свидетельствует новая метонимия модели **Место за Событие** – «Munich», или Мюнхенское соглашение (1938). Эта метонимия встречается, к примеру, в следующем контексте: «*Munich was regarded ... as "a triumph for all that was best and most enlightened in British life, a triumph for those who had courageously denounced the harshness and shortsightedness of Versailles"*» [Buchanan, 2008, p. 222]. Чтобы отследить мотивировку данной метонимии, обратимся к словарному толкованию данного понятия. Мюнхенское соглашение «...явилось результатом агрессивной политики Гитлера, провозгласившего ревизию Версальского мирного договора 1919 года с целью восстановления германского рейха ... и поддержанной США англо-французской политики «умиротворения» ... Лидеры Великобритании и Франции стремились политическими и территориальными уступками ... удовлетворить экспансионистские притязания Германии и Италии, достичь широкого соглашения с ними» [Военная энциклопедия, 2008, URL]. Глаголы «удовлетворить», «достичь соглашения», существительные «уступки», «умиротворение» несут в своей семантике признаки «компромисс», «равноправие». Это свидетельствует о том, что метонимия «Munich» мотивируется метафорой **Страна как Патрон**, которая выражает стремление Британии преодолеть моральное падение и вернуться к политической этике довоенной эпохи (1 тип), так как в структуре

метафорического значения прослеживается семантический компонент «соблюдение общих интересов», «признание прав другого», «забота о других».

Следующая метонимия в ряду метонимий, мотивированных метафорами, является метонимия «Yalta» (Ялтинская конференция (1945), состоявшаяся на завершающем этапе Второй мировой войны). Эту метонимию можно встретить в следующем контексте: «*At Yalta in February 1945, Churchill and FDR sought to limit the Germany lands cede to Poland, but capitulated to Stalin demand that the new provisional Stalin-German borders be set at the Oder and Western Neisse rivers*» [Buchanan, 2008, p. 381]. Данная метонимия мотивируется метафорой **Страна как Патрон**, что также можно проследить с помощью дефиниционного анализа. Вот толкование понятия «Ялтинская конференция», данное в словаре: «... В коммюнике К.к. (Крымская (Ялтинская) конференция – Е.К.) три союзные державы (СССР, Великобритания, США – Е.К.) выражали “решимость сохранить и усилить в предстоящий мирный период то единство целей и действий, которое сделало в современной войне победу возможной и несомненной для Объединенных Наций”» [Большая советская энциклопедия, 1969-1978]. В значении слов «единство» и «объединенный» есть семантический признак «целостность» как противовес отчуждению и раздробленности, а в семантике метафоры **Страна как Патрон** также акцентируется сема «преобладание общих интересов над частными», поэтому можно предположить, что метонимия «Yalta» мотивируется метафорой **Страна как Патрон**, выражающей первый тип политической этики. Германия воспринимается уже не как униженная и оскорбленная держава, но как нарушитель мира и стабильности, чья волонтаристская этическая позиция ставит под угрозу дальнейшую судьбу мира: «... Участники конференции заявили, что их непреклонной целью является уничтожить германский милитаризм и нацизм и создать гарантии того, что “Германия никогда больше не будет в состоянии нарушить мир”...». Также в данном толковании находим: «К.к. приняла декларацию об освобожденной Европе ... В декларации говорилось: “Установление порядка в Европе и переустройство национально-экономической жизни должно быть достигнуто таким путем, который позволит освобожденным народам уничтожить последние следы нацизма и фашизма и создать демократические учреждения по их собственному выбору”». Концепты «освобожденный», «демократический», «выбор» имеют в своем значении семантический признак «свобода», который мотивирован метафорой **Страна как Патрон**, также имеющей в

структуре своего значения компонент «признание свободной воли другого», «признание прав другого».

Итак, метафора и метонимия, будучи явлениями концептуального толка, несут в себе большой потенциал для взаимодействия. Данное исследование нацеливалось на поиск сфер, в которых эта интеракция раскрылась бы наиболее полно. Она раскрывается в форме мотивировки метонимии метафорой. При этом концептуальная метафора вербализует абстрактные концепты, мотивирующие появление той или иной метонимии, которая выводит абстракции в сферу конкретики и исторической «осязаемости». Мотивация прослеживалась на примере метонимий модели **Место за Событие** – «Versailles», «Munich», «Yalta». Были выявлены овнешненные при помощи метафоры типы политической этики, исповедуемой правительствами стран-участников Первой и Второй мировых войн. Данные метафорические концепты послужили семантической основой для мотивации вышеуказанных метонимий. Дефиниционный и компонентный анализы показали, что семантической базой мотивации стал переход семантических признаков из значения мотиватора – метафоры в словарное определение метонимии, стоящей за историческими событиями – Версальским договором, Мюнхенским соглашением и Ялтинской конференцией.

Литература

Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Русская политическая метафора. Материалы к словарю. М., 1991.

Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Словарь русских политических метафор. М., 1994.

Большая советская энциклопедия. [Электронный ресурс].

URL: www.hrono.ru/sobyt/1900sob/1945krym.php.

Будаев Э.В. Постсоветская действительность в материалах российской и британской прессы. Нижний Тагил, 2007.

Военная энциклопедия. [Электронный ресурс].

URL: www.ria.ru/history_spravki/20100929/280519260.html.

Йоргенсен М., Филипс Л. Дискурс-анализ. Теория и метод. Пер. с англ. Харьков: Гуманитарный центр, 2008.

Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1989.

Популярный политический словарь. [Электронный ресурс].

URL: www.dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/86502.

Словарь философских терминов. М., 2007.

Советский энциклопедический словарь. М., 1987.

Томашевская И.В. Когнитивные аспекты формирования гендерно-маркированных оценочных существительных в современном английском языке: автореф. дис. ...канд. филол. наук. Москва, 2011.

Чудинов А.П. Постулаты Уральской школы политической метафорологии // Уральский филологический вестник. 2012. № 2.

Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000). Екатеринбург, 2001.

Шабанова Т.А. Метафорическое моделирование лингвокультурой категории СВОИ-ЧУЖИЕ в феминистском дискурсе США и России: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2013.

Шаова О.А. Россия и Франция: национальные стереотипы и их метафорическая репрезентация (на материале французских и российских газет): автореф. дис. ...канд. филол. наук. Екатеринбург, 2005.

Barcelona A. On the Plausibility of Claiming a Metonymic Motivation for Conceptual Metaphor. *Metaphor and Metonymy at the Crossroads. A Cognitive Perspective*, Berlin/New York, 2003.

Barnden J. Metaphor and Metonymy. Making their Connections More Slippery. [Электронный ресурс]. URL: www.cs.bham.ac.uk/jab/ATT-Meta/Papers/cogling.slippery.june09.pdf.

Buchanan P. Churchill, Hitler, and the Unnecessary War: How Britain Lost its Empire and the West Lost the World. New York, 2008.

Cislaru G. Metonymic Modelling of Discourse, Discourse Modelling of Metonymy. *The Case of the Place-Name Based Metonymies. Culture, Language and Representation*, 2007, vol.5.

Kövecses Z. *Metaphor. A Practical Introduction*. New York, 2002.

Lakoff G., Johnson M. *Philosophy in the Flesh: the Embodied Mind and its Challenge to Western Thought*. New York, 1999.

Martin de Leyn C. Metonymic Motivation of the Conduit Metaphor. [Электронный ресурс]. URL: www.metaphorik.de/en/journal/06/metaphorikde-062004.html.

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА МОРСКОЙ МЕТАФОРЫ И ЕЕ РЕАЛИЗАЦИЯ В ПРОЦЕССЕ ПЕРЕВОДА

Л.А. Козлова, Е.В. Буланова

Ключевые слова: метафора, национально-культурная специфика, образы сознания, концепт, концептуальная интеграция, область-источник, перевод, трансфер образа.

Keywords: metaphor, national-cultural specificity, mental images, concept, conceptual integration, source domain, translation, transfer of image.

На современном этапе развития лингвистики взаимосвязь человеческого сознания, языка и культуры фактически принята за аксиому: язык можно представить как видимую верхушку огромного айсберга человеческого сознания [Демьянков, 1995, с. 306], погруженного в океанические воды культуры народа. Данная взаимосвязь закономерно отражается в динамичном развитии таких